

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОЗРАСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ | PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL SAFETY IN AGE-RELATED PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Маргинализация топоса как детерминанта подростково-молодежного экстремизма

Ю.А. Клейберг¹✉

¹ АНО «Академия национального образования и науки», Тверь, Российская Федерация
✉ yury.kleyberg@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Подростково-молодежный экстремизм — одна из тревожных и агрессивных характеристик современного топоса — имеет важные репрезентативные особенности. Первостепенная особенность подростково-молодежного экстремизма — духовная незрелость подростков и молодежи, несформированность восприятия целостности, спровоцированные проблемой межгенерационного отчуждения (конфликт поколений) современной молодежи, маргинализацией общества, неспособностью всесторонне оценивать ситуацию. Маргинальный статус становится нормой бытия миллионов людей, маргинальность — механизмом и условием самоидентификации. **Цель:** выявить предикторы маргинального топоса, способствующие появлению молодежного экстремизма. **Методы исследования.** В качестве инструментария использовался метод фокус-групп для выявления общественного мнения о проблеме межнациональных конфликтов и проявлений экстремизма среди студентов. Объем выборочной совокупности составляет 160 респондентов из числа студентов-психологов (ТГУ) с 1-го по 4-й курсы и 20 экспертов с использованием полустандартизированного интервью с целью получения данных об информированности респондентов об экстремизме. Проведено два комплексных исследования (2023–2025 гг.). Опрос экспертов осуществлялся с помощью метода формализованного интервью. **Результаты.** Результаты проведенного исследования показали, что информированность студентов-психологов о молодежном экстремизме изменила их отношение к данному феномену. Абсолютное большинство респондентов (90%) осуждают проявления экстремизма и терроризма, а также молодежь, их совершающую. Респонденты полагают, что следует ужесточить наказание (92%), столько же

Клейберг Ю.А. (2025)

Маргинализация топоса как детерминанта подростково-молодежного экстремизма

Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 11—24.

Kleyberg Yu. A. (2025)

Marginalization of topos as a determinant of adolescent and youth extremism

Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 11—24.

выступают за ужесточение миграционной политики государства. Интервьюирование экспертов и опрос студентов-психологов указывают на то, что увеличение количества экстремистски настроенных подростков и молодежи зависит от политической активности государства и общества, связанной в последнее время со специальной военной операцией (СВО).

Выводы. Исследование указало на необходимость: а) проведения регулярного мониторинга проблемы молодежного экстремизма, а также терроризма и других деструктивных проявлений; б) своевременного выявления, по данным мониторинга, проблемных социальных групп и их экстремистски ориентированных лидеров — носителей экстремистского потенциала; в) создания для подростков и молодежи привлекательных условий для творческой, созидательной деятельности, способствующей позитивной социализации и меняющей сознание юной личности.

Ключевые слова: молодежь, топос, детерминанта, ИТ- и медиаиндустрия, современный экстремизм, маргинализация общества

Для цитирования: Клейберг, Ю.А. (2025). Маргинализация топоса как детерминанта подростково-молодежного экстремизма. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(4), 11—24. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020401>

Marginalization of topos as a determinant of adolescent and youth extremism

Yu.A. Kleyberg¹✉

¹ ANO “Academy of National Education and Science”, Tver, Russian Federation

✉ yury.kleyberg@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. Adolescent and youth extremism is one of the alarming and aggressive characteristics of the modern topos and has important representative features. The primary feature of adolescent and youth extremism is the spiritual immaturity of adolescents and youth, the lack of formation of the perception of integrity, provoked by the problem of intergenerational alienation (generational conflict) of modern youth, the marginalization of society, being unable to comprehensively assess the situation. Marginal status is becoming the norm of existence for millions of people; marginality is a mechanism and condition of self-identification. **Objective:** the goal is to identify predictors of marginal topos that contribute to the emergence of youth extremism. **Methods and materials.** Two comprehensive studies were conducted: one involving 160 psychology students from TSU in their 1st to 4th years, and another involving 20 experts who were interviewed using a semi-standardized method to obtain data on respondents' awareness of extremism. The experts were surveyed using a formalized interview method. The studies were conducted twice: in 2023 and 2025. **Results.** The results of the study

Клейберг Ю.А. (2025)

Маргинализация топоса как детерминанта подростково-

молодежного экстремизма

Экстремальная психология и безопасность личности,

2(4), 11—24.

Kleyberg Yu. A. (2025)

Marginalization of topos as a determinant of

adolescent and youth extremism

Extreme Psychology and Personal Safety,

2(4), 11—24.

showed that psychology students' awareness of youth extremism influenced their attitudes toward this phenomenon. The vast majority of respondents (90%) condemned manifestations of extremism and terrorism, as well as the youth who commit them. Respondents believe that penalties should be increased (92%), and the same number support tightening the country's migration policy. Interviews with experts and surveys of psychology students indicate that a possible increase in extremist sentiments among young people depends on the political activity of the state and society related to the special military operation (SMO). **Conclusions.** The study indicated: a) the need for regular monitoring of youth extremism, as well as terrorism and other destructive manifestations; b) based on monitoring data, the timely identification of problematic social groups and their extremist-oriented leaders — carriers of extremist potential; c) creating attractive conditions for adolescents and youth for creative, constructive activities that promote positive socialization and help change young people's consciousness.

Keywords: youth, topos, determinant, IT and media industry, modern extremism, marginalization of society

For citation: Kleyberg, Yu.A. (2025). Marginalization of topos as a determinant of adolescent and youth extremism. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(4), 11—24. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020401>

Введение

В различных социально-политических исследованиях вторая половина XX — начало XXI века характеризуется нестабильностью, высоким градусом социально-политической напряженности, военными конфликтами, идеологическим противостоянием и др. Это создает благоприятный социальный гумус для возникновения и транслирования деструктивных идеологических установок экстремистского толка в подростково-молодежной среде, что негативно отражается на психике юной личности. (Каплан и др., 2025; Петров, 2025, Финогенова, Берко, 2024).

Молодежный экстремизм и интолерантное отношение к окружению стали уже одними из трудно устранимых и наиболее опасных признаков современного топоса, общественной жизни в целом. Как отмечает И.М. Ильинский, важно устранить неуверенность и тревогу молодежи за собственное будущее, стремление преодолеть которые вызывает мощную стихийную или организованную социальную агрессию (Ильинский, 2001), и, добавим, в целом — деструктивную социальную активность подростков и молодежи.

Следует заметить, что подростково-молодежный экстремизм берет начало в экстремизме взрослым, однако имеет существенные отличительные особенности: он стихиен и менее организован; идеология поверхностна, примитивна и бескомпромиссна. Взрослые же экстремисты при возникновении критических ситуаций могут пойти на компромисс, изменить свою тактику и пойти на некоторые уступки. По мнению А.В. Серикова, многие молодые экстремисты малоопытны для проведения своих манифестаций и интенций, поэтому их экстремистские поступки и действия не достигают своих целей, являются неэффективными и безрезультатными. А.В. Сериков объясняет это возрастными

Клейберг Ю.А. (2025)

Маргинализация топоса как детерминанта подростково-молодежного экстремизма

Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 11—24.

Kleyberg Yu. A. (2025)

Marginalization of topos as a determinant of adolescent and youth extremism

Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 11—24.

особенностями молодых людей. В отличие от взрослых, подростки и молодежь менее подвержены страху тюремного заключения и смерти, физических травм, поэтому готовы на самые абсурдные и рискованные действия (Сериков, 2005, с. 228).

Однако как раз нравственно-духовная незрелость и является основным объектом подростково-молодежного экстремизма. Влияние окружающей социальной среды, топоса существенно для подростково-юношеского возраста, поскольку этот период характеризуется активным развитием базовых свойств личности — ее потребностей, ценностных ориентаций, установок и мотивации поведения и др. Мы склонны считать, что ценностно-нормативная «сшибка» в юном сознании, личностные проблемы становятся реальным основанием для протестных, аутодеструктивных (самоповреждения, суицидомания, «бодивандализм» — термин Ю.А. Клейберга) и асоциальных форм поведения.

С.И. Левикова считает, что основная причина молодежного экстремизма в современной России — это чувство социальной ущербности, имеющее как экономическую природу (резкая дифференциация общества на богатых и бедных, включенных (*included*) и исключенных (*excluded*) и т. п.), так и духовно-нравственную основу (девальвация, разрушение традиционной системы ценностей и идей патриотизма и др.). Как отмечает С.И. Левикова, «у молодых людей ощущение обделенности является потенциальной возможностью формирования экстремизма и антипатриотизма в молодежной среде. <...>. Когда же социальная обделенность перестает быть единичным случаем отдельно взятого молодого человека и приобретает объективный характер, это несет угрозу обществу» (Левикова, 2010).

Материалы и методы

Проведено два комплексных исследования, в рамках которых было опрошено 160 студентов-психологов (ТГУ) с 1-го по 4-й курсы (юношей и девушек поровну — по 80 человек) и 20 экспертов. Было использовано полустандартизированное интервью с целью получения данных об информированности респондентов об экстремизме. Опрос экспертов осуществлялся с помощью метода формализованного интервью. Задачей данного опроса являлся анализ информированности респондентов о подростково-молодежном экстремизме как социальном явлении. Исследование осуществлялось в Твери в 2023 и 2025 гг. и включало в себя соответственно два этапа. На первом этапе проводился скрининг респондентов с заполнением разработанной нами анкеты. Экспертами выступили представители сферы образования и науки, общественных организаций, силовых структур и СМИ. В задачу данного исследования входило аккумулирование характеристик подростково-молодежного экстремизма, маргинального топоса, а также наличие профессионального и жизненного опыта респондентов, получение экспертной оценки по проблеме подростково-молодежного экстремизма. Второй этап был посвящен проведению анкетирования студентов-психологов и опросу экспертов, анализу и интерпретации полученных данных.

В исследовании 2025-го, как и в исследовании 2023 года, нами был применен комплексный подход, с помощью которого осуществлено интегрирование качественных (интервью, подготовка материалов для анкетирования) и количественных (анкетный опрос студентов и экспертов) методик исследования.

Клейберг Ю.А. (2025)

Маргинализация топоса как детерминанта подростково-молодежного экстремизма

Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 11—24.

Kleyberg Yu. A. (2025)

Marginalization of topos as a determinant of adolescent and youth extremism

Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 11—24.

Результаты

В последнее время отчетливо проявился в обществе временной разлад между появлением новой разновидности культуры и личным целостным восприятием пространства, в котором осуществляется жизнедеятельность (в широком смысле слова) индивидуумов. Наши предыдущие исследования (Клейберг, 2009, 2016, 2023), в частности касающиеся проблемы подростково-молодежного экстремизма, позволяют утверждать, что поколение молодых людей от 16 до 25 лет является для общества и государства потерянным с точки зрения воспитания и позитивной патриотической социализации.

По экспертным оценкам и нашим данным, в последние годы отмечается усиление влияния экстремистской идеологии, экстремистских организаций и движений, которые вовлекают в свою деструктивную и асоциальную деятельность подростков и молодых людей. По экспертным оценкам, в среднем 80% участников организаций экстремистского характера составляют лица в возрасте до 30 лет. Эта ситуация актуализирует проблему подростково-молодежного экстремизма, терроризма и антипатриотизма — молодежь, к сожалению, не чувствует себя «субъектом общества, а только частью его окружающей среды» (Н. Луман) и, как следствие, отказывается понимать и принимать традиционную культуру. Отсюда — нарастающая тенденция к маргинализации топоса, которая приводит к проявлению агрессивного, деструктивного и асоциального поведения в подростково-молодежной среде, с усилением признаков не просто когнитивного, а нормативно-ценностного диссонанса.

В ситуации системного кризиса у молодых людей блокируется личностная самоидентификация (self-identification), доминируют эмоционально-поведенческие стереотипы и паттерны, детерминирующие деперсонализацию личностных установок. Подобная социальная индифферентность подростков и молодежи чревата увлечением идеологией радикального экстремизма.

Конфликт поколений (или межгенерационное отчуждение) выступает специфическим драйвером, порождающим враждебность, от разрушения внутрисемейных контактов до противопоставления экстремистов всему обществу, государству, включая историю и культуру. Важным контркультурным (субкультурным) элементом, по нашему мнению, является досуг подростков и молодежи как основная сфера их жизнедеятельности, где культурно-досуговый вакuum успешно заполняется содержанием экстремистской идеологии. Социальный и культурный конформизм отмечается только в рамках подростково-молодежной субкультуры, в которой осуществляется неформальное общение, все иные ценности и стереотипы игнорируются, пренебрегаются и даже презираются. В жесткой форме с четко выстроенной регламентацией ролей и статусов эта тенденция характерна для формализованных криминальных экстремистских группировок (Клейберг, 2016).

Развал советской идеологии и ценностно-нормативной системы, которые на протяжении десятилетий служили духовно-нравственной скрепой культурного пространства страны, на фоне отсутствия сегодня какой-либо альтернативы, стали одним из ведущих факторов-мотивов принятия иных ценностных ориентиров и программ. По мнению многих российских ученых, патриотическое воспитание в России, внутренняя идеологическая мотивация, на сегодняшний день находится на самом низком уровне (Зубок, Чупров, 2009; Сериков, 2005).

Клейберг Ю.А. (2025)

Маргинализация топоса как детерминанта подростково-

молодежного экстремизма

Экстремальная психология и безопасность личности,

2(4), 11—24.

Kleyberg Yu. A. (2025)

Marginalization of topos as a determinant of

adolescent and youth extremism

Extreme Psychology and Personal Safety,

2(4), 11—24.

В этих условиях действенным буфером между экстремизмом и молодежью должны стать национальные стратегические инициативы, национальная культура, имеющие значительный идентификационный и аутентифицирующий потенциалы для юного сознания, что требует внимания на всех уровнях системы образования, воспитания и власти.

Специфика проявления экстремизма в подростково-молодежном топосе обусловлена прежде всего индивидуально-психологическими особенностями самой молодежи — незаконченностью процессов духовно-нравственной социализации, мировоззренческой изменчивостью и ненадежностью, незавершенной социально-психологической зрелостью, поверхностным восприятием противоречивости социального бытия, склонностью к проявлению различных форм максимализма, эгоизма и чрезмерностью в выборе средств и способов достижения жизненных целей, а также развалом системы приоритетных духовных ценностей, ослаблением регулирующей роли государства и нарастанием девиантогенных и криминогенных тенденций в обществе.

Названные факторы выступают объективными условиями проявления в сознании и поведении молодых людей негативных тенденций субъективного порядка — завышенных социальных ожиданий, склонности к максимализму, радикализму, нигилизму, насилию, деструктивности, крайним средствам и способам достижения целей.

Однако в любом типе социального поведения проявляются социальные и личностные качества человека, особенности его психики, уровень культуры, мотивы, потребности, интересы, ценности. Содержание этих компонентов может характеризовать или не характеризовать субъекта поведения как человека культурного, социально и личностно ответственного. Любой вид экстремистского поведения носит, безусловно, асоциальный и агрессивно-эгоистический характер, отрицает права другой личности и ее самоценность (Клейберг, 2016). По субъекту экстремистское поведение характеризуется как властное и невластное; по степени организации — как стихийное и организованное; по форме — как активное и пассивное; по цели — как конструктивное (созидательное) и деструктивное (разрушительное); по характеру взаимодействия — как сотрудничество и противостояние; по общности — как индивидуальное, групповое и массовое (схема 1).

Клейберг Ю.А. (2025)

Маргинализация топоса как детерминанта подростково-молодежного экстремизма

Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 11—24.

Kleyberg Yu. A. (2025)

Marginalization of topoi as a determinant of adolescent and youth extremism

Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 11—24.

Схема 1 / Scheme 1

Виды экстремистского поведения (Клейберг, 2016)
Types of extremist behavior (Kleyberg, 2016)

По сути, во всех формах проявления экстремизма (разумеется, с учетом имеющихся различий), можно выделить нечто общее: а) приверженность к маргинальным взглядам, решительным действиям, формам поведения, жизненной стратегии; б) склонность к использованию агрессивных, силовых, насилиственных методов и средств достижения цели. Исследования личности экстремиста (Зубок, Чупров, 2009; Клейберг, 2009, 2016, 2023; Сериков, 2005) в большинстве случаев характеризуют его как дезадаптированного маргинала с устойчивой экстремистской интенцией, пренебрегающего правовыми и нравственными нормами.

Наши исследования позволили оценить понимание современными подростками и молодежью своей гражданской позиции. Так, респонденты связывают данное понятие со способностью защитить свои права и свободы (64,8%). При этом неравнодушных к происходящим процессам оказалось 24,8%. 58,6% юных респондентов отметили, что у них есть своя гражданская позиция, 27,4% своей гражданской позиции не имеют, затруднились дать ответ 14,0% (табл. 1).

Клейберг Ю.А. (2025)
 Маргинализация топоса как детерминанта подростково-
 молодежного экстремизма
Экстремальная психология и безопасность личности,
 2(4), 11—24.

Kleyberg Yu. A. (2025)
 Marginalization of topos as a determinant of
 adolescent and youth extremism
Extreme Psychology and Personal Safety,
 2(4), 11—24.

Таблица 1 / Table 1
Понимание современными подростками и молодежью своей гражданской позиции (N = 160)

Understanding of modern adolescents and youth of their civic position (N = 160)

Гражданская позиция / Civic position	2023/2025, %
Есть своя гражданская позиция / There is a civic position	56,8/58,6
Нет своей гражданской позиции / There is no civic position	23,2/27,4
Затруднились ответить / Found it difficult to answer	20,0/14,0
Σ	100/100

Патриотами, которые гордятся своей Родиной, считают себя 82,4% молодых людей. При этом плохо знают историю своего Отечества и не испытывают интереса к ней 7,3%, плохо знают русскую и современную литературу 10,3% (табл. 2). Над этими показателями есть смысл задуматься школе, семье, обществу и государству, так как они красноречиво свидетельствуют об ущербности и примитивности подростков и семейного воспитания и образования.

Таблица 2 / Table 2

Отношение молодежи к патриотизму (N = 160) / The attitude of young people towards patriotism (N = 160)

Патриотическая позиция / Patriotic position	2023/2025, %
Считают себя патриотами / They consider themselves patriots	81,8/82,4
Не испытывают интереса к истории Отечества / They have no interest in the history of the Fatherland	6,8/7,3
Плохо знают русскую литературу / They don't know Russian literature well	11,4/10,3
Σ	100/100

Что касается отношения подростков и молодежи к соблюдению законов, правовых и нравственных норм, то значительная часть опрошенных (2023 — 56,8; 2025 — 64,2%) считает для себя возможным проявление девиантного поведения, асоциальной активности (агgression, применение силы, интолерантность в отношении «нерусских» и т. п.). Это, на наш взгляд, указывает на социальную и гражданскую деградацию молодежи, упущения в воспитании подрастающего поколения в целом как на уровне семьи, так и на уровне других институтов социализации подростков и молодежи, призванных формировать у них принципы позитивного социального поведения, а не создавать условия для контрпродуктивного поведения — несанкционированных протестов, митингов, демонстраций, в которых проявляется негативное отношение к власти, чиновничеству и олигархическому произволу, — а также участия в террористических актах.

Ответы респондентов на вопросы нашей анкеты распределились следующим образом (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Анкета оценки значимого отношения к экстремизму в подростково-молодежной среде / Questionnaire for assessing significant attitudes towards extremism among adolescents and

Клейберг Ю.А. (2025)
 Маргинализация топоса как детерминанта подростково-
 молодежного экстремизма
Экстремальная психология и безопасность личности,
 2(4), 11—24.

Kleyberg Yu. A. (2025)
 Marginalization of topoi as a determinant of
 adolescent and youth extremism
Extreme Psychology and Personal Safety,
 2(4), 11—24.

young people (N = 160)

№ п/п	Вопросы и варианты ответов / Questions and answers	2023/2025, %
1.	Испытываете ли Вы чувство неприязни к представителям какой-либо национальности? / Do you feel hostility towards representatives of any nationality? - Да, испытывал (испытываю) / Yes, I did (I do) - Нет / No, I didn't (don't)	24,0/25,0 76,0/75,0
2.	Ваше отношение к традициям и культуре других наций / What is your attitude towards traditions and culture of other nations? - Положительное / Positive - Нейтральное / Neutral - Отрицательное / Negative	49,2/50,0 41,6/42,8 9,2/7,2
3.	Приходилось ли Вам участвовать в межнациональных конфликтах на религиозной почве, либо на почве принадлежности к какой-либо субкультуре? / Have you ever been involved in interethnic conflicts on religious grounds or on the grounds of belonging to a certain subculture? - Да, приходилось / Yes, I have - Нет, не приходилось / No, I have not	15,8/14,5 84,2/85,5
4.	Какие причины характерны для межнациональных конфликтов? / What are the typical causes of interethnic conflicts? - Оскорбление чести и достоинства / Insult to honor and dignity - Бытовые предрассудки и стереотипы сознания / Everyday prejudices and stereotypes of consciousness - Все перечисленные / All of the above	80,1/77,6 9,4/7,2 10,5/15,2
5.	Знаете ли Вы, что такое экстремизм? / Do you know what extremism is? - Да, знаю / Yes, I do - Нет, не знаю / No, I don't	90,4/92,4 9,6/7,6
6.	Готовы ли Вы стать волонтером (добровольцем) по профилактике экстремизма в подростково-молодежной среде? / Are you ready to become a volunteer for the prevention of extremism among teenagers and young people? - Да, готов / Yes, I am ready - Нет, не готов / No, I am not ready - Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	48,8/52,4 34,2/31,8 17,0/15,8
7.	Считаете ли Вы, что экстремистские настроения в молодежной среде усилились за последнее время? / Do you think that extremist sentiments among young people have increased recently? - Да / Yes, I do - Нет / No, I don't	85,6/80,0 14,4/20,0
8.	Откуда, по Вашему мнению, исходит основная информация об	

Клейберг Ю.А. (2025)

Маргинализация топоса как детерминанта подростково-молодежного экстремизма

Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 11—24.

Kleyberg Yu. A. (2025)

Marginalization of topos as a determinant of adolescent and youth extremism

Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 11—24.

	экстремизме? (Можно выбрать ОДИН вариант ответа) / Where do you think the main sources of information about extremism come from? (You can choose ONE answer) - В основном Интернет (публичные сообщества) / Mainly the Internet (public communities) - В основном средства массовой информации / Mainly the media	84,0/85,0 16,0/15,0
9.	Как Вы относитесь к действиям представителей экстремистских организаций? / How do you feel about the actions of representatives of extremist organizations? - Осуждаю подобные действия / I condemn such actions - Одобряю подобные действия / I approve of such actions - Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	90,2/92,0 5,1/6,2 4,7/1,8
10.	Если бы Вам предложили большой гонорар за совершение экстремистского действия (террористического акта), что бы Вы выбрали? / If you were offered a large fee for committing an extremist act (terrorist act), what would you choose? - Согласился / Agreed - Отказался / Refused - Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	4,6/2,6 90,0/96,0 5,4/1,4

Таким образом, сказанное выше означает только одно и главное: государству необходимо совершенствовать направления молодежной политики в части формирования у юной личности таких положительных качеств, как гражданственность, патриотизм, позитивная социально-политическая активность, толерантность, милосердие, гуманность и др.

Своим исследованием мы попытались показать, что отношения в социальной группе или субкультуре при определенных условиях (ситуации) могут нести потенциальную опасность. К таким факторам риска следует отнести также и семьи, если отношения, которые в них складываются, угрожают физическому и/или духовному развитию несовершеннолетнего. Федеральный Закон РФ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в статье 1 как раз указывает на этот фактор: «семья, имеющая детей, находящихся в социально опасном положении, а также семья, где родители или законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними»¹.

Обсуждение результатов

Данные проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что подростково-молодежный экстремизм как социальное явление расходится с индивидуальной культурой, культурным развитием личности. Существенными признаками экстремистского поведения являются легкомысленное и безответственное отношение индивида к себе, людям, обществу, правовая и гражданская инфантильность, нравственная деградация, своееволие и пр. Наконец,

¹ Федеральный закон РФ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями).

Клейберг Ю.А. (2025)

Маргинализация топоса как детерминанта подростково-молодежного экстремизма

Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 11—24.

Kleyberg Yu. A. (2025)

Marginalization of topos as a determinant of adolescent and youth extremism

Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 11—24.

экстремистское поведение направлено на эмоционально-аффективную сферу, минуя сознание, носит эпатажный, конфликтный, вызывающий характер, что особенно актуально для подростков и молодежи и среды их взаимодействия.

Следует также добавить, что дефицит социального опыта, примитивная социальная адаптация подростков и молодежи, высокая эмоциональность, доверчивость, при неудовлетворительном самоконтроле и отсутствии личной ответственности, часто делают экстремистски настроенных подростков и молодежь заложниками сторонних (внешних) политических и иных сил, которые используют их в своих корыстных целях.

Молодежь по своим возрастным особенностям и низкому социальному статусу входит в группу социального риска и может иметь определенные предпосылки к экстремизму. К таким предпосылкам можно, в частности, отнести: подростково-юношеский нигилизм, подмену жизненных ценностей, неустойчивость психики и мировоззрения, максималистский тип сознания и др. Кроме того, именно молодежь является категорией, социальное положение которой характеризуется маргинальностью социальных позиций, неопределенностью социальных идентификаций (Клейберг, 2023; Зубок, Чупров, 2009), а значит и крайней уязвимостью к разным видам дискrimинации.

Таким образом, подростково-молодежный экстремизм включает в себя три основных элемента: а) экстремистскую идеологию, являющуюся базисом экстремизма; б) экстремистскую деятельность, являющуюся реализацией экстремистской идеологии; в) экстремистскую организацию, являющуюся формой осуществления экстремистской деятельности².

Практически все виды и формы подростково-молодежного экстремизма имеют определенные общие черты: насилие или его угроза; фанатизм, одержимость в стремлении навязывать свои принципы и взгляды оппонентам; бездумное, беспрекословное выполнение всех приказов и инструкций; опора на чувства, инстинкты, предрассудки, а не на разум; неспособность к толерантности, компромиссам либо игнорирование их. Экстремизм сходится с крайним радикализмом, терроризмом, нигилизмом, вождизмом³.

Заключение

Наше исследование позволило выявить предикторы маргинального топоса, способствующие появлению молодежного экстремизма. Исследование также указало на необходимость:

- а) проведения регулярного мониторинга проблемы молодежного экстремизма, а также терроризма и других деструктивных проявлений;
- б) своевременного выявления с помощью мониторинга проблемных социальных групп, экстремистски ориентированных лидеров — носителей экстремистского потенциала;
- в) создание для подростков и молодежи привлекательных условий для творческой,

² Волынская, Ю.Ю., Волынский, Ю.Р. (2017). Экстремизм и коррупция — угроза общественной безопасности. В: *Современные тренды в профессиональном образовании и развитии государственных и муниципальных служащих в Российской Федерации* (с. 13—17). Тверь: Триада.

³ Экстремизм — возврат к фашизму (05.10.2020). URL: <http://mo-tyarlevo.ru/?p=11430> (дата обращения: 15.08.2025).

Клейберг Ю.А. (2025)

Маргинализация топоса как детерминанта подростково-молодежного экстремизма

Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 11—24.

Kleyberg Yu. A. (2025)

Marginalization of topos as a determinant of adolescent and youth extremism

Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 11—24.

созидающей деятельности, способствующей позитивной социализации и меняющей сознание юной личности.

Актуальной для исследований является также проблема миграции подростково-молодежного экстремизма в пространство ИТ-технологий, когда исследуемое явление проявляется в сложном взаимодействии с такими видами экстремизма, как информационный и досуговый. Таким образом, возникает проблема выявления и противодействия экстремизму в телекоммуникационной сети Интернет.

По нашему предположению, подростково-молодежный экстремизм — это только верхушка айсберга, целого комплекса проблем, связанных главным образом с тотальной экзистенциальной растерянностью подростков и молодежи.

Список источников / References

1. Девиантное поведение в современной России: алкоголь, наркотики, молодежный экстремизм (концепции и исследования) (2014). / Т.А. Хагуров, М.Е. Позднякова, В.Н. Рачков и др. / Колл. монография под ред. Т.А. Хагурова. М.: ИС РАН. Deviant Behavior in Contemporary Russia: Alcohol, Drugs, and Youth Extremism (Concepts and Research) (2014). / T.A. Khagurov, M.E. Pozdnyakova, V.N. Rachkov, et al. / Collective monograph edited by T.A. Khagurov. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
2. Зубок, Ю.А., Чупров, В.И. (2009). *Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции.* M. Zubok, Yu.A., Chuprov, V.I. (2009). *Youth extremism: essence, forms of manifestation, tendencies.* Moscow. (In Russ.)
3. Ильинский, И.М. (2001). *Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория.* M.: Голос. Ilyinsky, I.M. (2001). *Youth and youth policy. Philosophy. History. Theory.* Moscow: Golos. (In Russ.)
4. Каплан, В., Меликоглу, Я., Паса, М. (2025). Психологическое воздействие пространственных изменений после миграции на уязвимые группы населения. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(2), 82–99.
<https://doi.org/10.17759/epps.2025020205>
Kaplan, V., Melikoglu, Ya., Paşa, M. (2025). Psychological impact of post-migration spatial change on vulnerable groups. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(2), 82–99.
<https://doi.org/10.17759/epps.2025020205>
5. Клейберг, Ю.А. (2023). *Криминальная психология молодежных субкультур: учебное пособие для гуманитарных вузов и колледжей.* Алматы: Лантар books. Kleyberg, Yu.A. (2023). *Criminal psychology of youth subcultures: a textbook for humanitarian universities and colleges.* Almaty: Lantar books. (In Russ.)
6. Клейберг, Ю.А. (2016). *Девиантология терроризма и экстремизма. Монография.* M.: Изд-во МПСУ. Kleyberg, Yu.A. (2016). *Deviantology of terrorism and extremism. Monograph.* Moscow: Publishing house of MPSU. (In Russ.)

- Клейберг Ю.А. (2025) Клейберг Yu. A. (2025)
 Маргинализация топоса как детерминанта подростково- Marginalization of topos as a determinant of
 молодежного экстремизма adolescent and youth extremism
Экстремальная психология и безопасность личности, Extreme Psychology and Personal Safety,
 2(4), 11—24. 2(4), 11—24.
7. Клейберг, Ю.А., Шогенов, М.З. (2009). *Семейное неблагополучие. Социальные отклонения. Молодежный экстремизм: монография* / под ред. Ю.А. Клейбера. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых. Kleyberg, Yu.A., Shogenov, M.Z. (2009). Family dysfunction. Social deviations. Youth extremism: monograph / edited by Yu.A. Kleyberg. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarov. (In Russ.)
8. Левикова, С.И. (2010). Основания молодежного экстремизма. В: Л.В. Карнаушенко (отв. ред.), *Феномен экстремизма и ксенофобии в современной России: факторы генезиса, пути и способы противодействия: материалы конференции 9—10 дек. 2010 г.* (с. 132—136). Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России. Levikova, S.I. (2010). The Foundations of Youth Extremism. In: L.V. Karnaushenko (Ed.), *The Phenomenon of Extremism and Xenophobia in Modern Russia: Genesis Factors, Ways and Means of Counteraction: Conference Proceedings, December 9—10, 2010* (pp. 132—136). Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (In Russ.)
9. Малер, М., Пайн, Ф., Бергман, А. (2018). *Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация* / пер. с англ. М.: Когито-Центр. Mahler, M., Pine, F., Bergman, A. (2018). *The Psychological Birth of the Human Infant: Symbiosis and Individuation* / transl. from Engl. Moscow: Cogito-Center. (In Russ.)
10. Петров, В.Е. (2025). Влияние личностного выбора участия в экстремальном добровольчестве на субъективное отношение военнослужащих к семье. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(1), 75–88.
<https://doi.org/10.17759/epps.2025020106>
 Petrov, V.E. (2025). The Influence of Personal Choice of Participation in Extreme Volunteerism on the Subjective Attitude of Military Personnel to the Family. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(1), 75–88. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/epps.2025020106>
11. Римский, А.В., Арtyukh, А.В. (2009). Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления. *Научные Ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 10(16). Rimsky, A.V., Artyukh, A.V. (2009). Extremism and terrorism: concept and main forms of manifestation. *Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, 10(16). (In Russ.)
12. Сериков, А.В. (2005). *Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении студентов: Дис. ... канд. социологических наук*. Ростов-на-Дону. Serikov, A.V. (2005). *Youth extremism in modern Russia: dynamics and reflection in public opinion of students: Diss. ... Cand. Sci. (Sociol.)*. Rostov-on-Don. (In Russ.)
13. Сокол, В.Ю. (2005). *Современный экстремизм: сущность, проблемы, противоречия*. Краснодар: Краснодарский университет МВД России. Sokol, V.Yu. (2005). *Modern Extremism: Essence, Problems, and Contradictions*. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (In Russ.)

<p>Клейберг Ю.А. (2025) Маргинализация топоса как детерминанта подростково-молодежного экстремизма <i>Экстремальная психология и безопасность личности</i>, 2(4), 11—24.</p>	<p>Kleyberg Yu. A. (2025) Marginalization of topos as a determinant of adolescent and youth extremism <i>Extreme Psychology and Personal Safety</i>, 2(4), 11—24.</p>
---	--

14. Финогенова, Т.А., Берко, А.А. (2024). Влияние травматических переживаний на психологическую безопасность личности обучающихся в контексте террористической угрозы. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 1(2), 61–75. <https://doi.org/10.17759/epps.2024010205>
- Finogenova, T.A., Berko, A.A. (2024). The Impact of Traumatic Experiences on the Psychological Safety of Students in the Context of the Terrorist Threat. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 1(2), 61–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2024010205>
15. Экстремальность и экстремизм в социальных практиках российской молодежи (2017) / В.В. Брюно и др.; отв. ред. Т.А. Хагуров, М.Е. Позднякова. М.: ФНИСЦ РАН; Краснодар: Кубанский гос. ун-т. Extremeness and Extremism in the Social Practices of Russian Youth (2017) / V.V. Bruno et al.; edited by T.A. Khagurov, M.E. Pozdnyakova. Moscow: FNISC RAS; Krasnodar: Kuban State University. (In Russ.)

Информация об авторе

Юрий Александрович Клейберг, академик РАН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, лауреат Государственной премии Правительства Российской Федерации в области образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, президент-ректор автономной некоммерческой организации «Академия национального образования и науки» (АНО АНОН), Тверь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6757-0102>; e-mail: yury.kleyberg@yandex.ru

Information about the author

Yury A. Kleyberg, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Grand PhD in Psychology, Grand PhD in Pedagogy, Professor, Laureate of the State Prize of the Government of the Russian Federation in the Field of Education, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, President-Rector of the Autonomous Non-Commercial Organization “Academy of National Education and Science” (ANO ANON), Tver, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6757-0102>; e-mail: yury.kleyberg@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 18.09.2025
 Поступила после рецензирования 11.11.2025
 Принята к публикации 20.11.2025
 Опубликована 30.12.2025

Received 2025.09.18
 Revised 2025.11.11
 Accepted 2025.11.20
 Published 2025.12.30